

Тихий голос фортепьяно

Осень... В ночном саду яблоки глухо стучат по сырой земле. Порыв ветра дождевыми косами барабанит по стеклу. Стучит дробью по железу подоконника. Осенняя мелодия, от которой беспокойно на сердце и не спится. Что-то смутное тревожит душу, и сам не поймёшь, от чего всё это. Тишина ли в доме резонирует с ветром и дождём за окнами?..

Вчера над домом, переговариваясь, пролетел клин журавлей. Было тихо. Лунный чад заливал комнату. В тишине сердце вслушивалось в разговор птиц, и почему-то подумалось: «И в том строю есть промежуток малый. Быть может, это место для меня. Настанет день...» Кто знает... И кто знает, когда настанет этот день и надо будет занять своё место в этом «строю»? Но «та» высота уже не пугает. Их столько было в жизни! Да и сама жизнь не остановится и не оборвётся на том, что кто-то берёт свою последнюю высоту. Позади 84 года жизни, и пройдены эти лета, словно вёрсты — пешком, не сгибаясь и не отворачиваясь от суровых ветров, принимая в сердце всё, что ниспослано человеку этим самым жёстким веком на земле. От судьбы, говорят, не убегают, ей идут навстречу.

Всё вместило большое сердце: печаль и радость, косые дожди и летнее марево над золотым полем, удары, от которых, казалось, и не встанешь.

Но он вставал, непременно вставал и, вытерев кровь с лица, упрямо шёл дальше. Оглянется порой назад, на эти вёрсты, и сердце становится удивительно спокойным: жил и действовал, как призывали долг, совесть и честь, не предал жизни и, главное, — Любви — истинной и первородной, той, что ниспослана судьбой. И тем самым образовал прочное звено жизни, по которому, подобно искрам по стеблю, течёт животворная энергия из прошлого в будущее — из бездны веков в новый век и тысячелетие, от древних родов к сегодняшним, от канувших в небытие поколений — к новым.

Каждый приходящий в этот мир чувствует себя первооткрывателем его и завоевателем. Но мы не первые на этой земле. Солнце миллионы лет светило до нас и будет светить миллионы лет после. И каждый человек должен образовать своё звено в череде поколений, прочное и надёжное, чтобы передать эстафету жизни дальше — в вечность.

Жизнь не должна обрываться никогда. В этом видится главный смысл нахождения любого человека на земле. Главное — не предай. Не предай себя, жизнь, любовь. А это означает ещё: не убий! И его сердце спокойно на самом справедливом суде жизни — суде совести. Почему ж не спится? Да кто его знает: опять давление, наверно, подскочило... Осень. Дождь. Ночь. Скорей бы уж рассветало, что ли...

Абраму Иосифовичу Лифшицу идёт 85-й год. Ровесник революции. Кто-то путает в этой дали десятилетий события, даты, факты из жизни страны. А для него они — судьба, реальность, вёрсты судьбы, от которых не убегал.

Ближе к утру ветер разметал облака и тревожные думы. Солнце заглянуло в комнаты большого старого дома. Надо было вставать и приниматься за посильные дела. Супруга Антонина Николаевна измерила давление, сказала строго:

— Абрам, тебе надо полежать! Может, «скорую» вызовем?..

— Ещё чего не хватало, — буркнул он, — сам выкручусь.

Так ведь и говорили час, другой, третий: Абрам Иосифович лежал в постели, я пристроился на стуле сбоку, Антонина Николаевна сидела в ногах у мужа, облокотившись

на спинку кровати, дополняла, уточняла. А оба — вспоминали, переживая то, что было в жизни. Всего хватало по самую, что называется, маковку. Встречаются на журналистских тропах порой такие судьбы, что только остаётся руками развести: как они не ломаются на всех изломах и переломах жизни, сохраняя человечность, сердечность, любовь и верность? Где та золотая нить Ариадны, выводящая из всех лабиринтов, в которые бросает человека судьба?

В городе Рославле Смоленской области был единственный на всю округу техникум — железнодорожный, и все мальчишки после школы «таранили» приёмную комиссию, пробиваясь в железнодорожники, поощряемые родительским благословением и строгим контролем: профессия железнодорожника почиталась и была очень авторитетна в стране. По настоянию родителей и Абрам Лифшиц поступил в техникум. Учился вместе с Фёдором Лощенковым, который памятен переславцам и ярославцам старшего поколения: Фёдор Иванович Лощенков немало лет возглавлял областную партийную организацию в качестве первого секретаря обкома. Техникум давал юношам неплохую закалку.

Абрам Лифшиц блестяще закончил техникум, год отработал по специальности, считался очень перспективным работником. Всё при нём: знания, сообразительность, дисциплинирован, чётко в действиях, несмотря на молодость, уважаем в коллективе. А это многое значит: железнодорожники — народ себе на уме, крепкий, осанистый, самолюбивый. Пришёлся человек ко двору — руку протягивают и крепко жмут. Не пришёлся: здрасьте! — и нос в обратную сторону. Сама обстановка может выдавить человека из среды. Такие люди...

С ним сердечно здоровались, всё ладилось, жизнь открывала новые горизонты. Родовался трудяга-отец, старый типографский наборщик, глядя на успехи сына: голова у парня довольно прочно на плечах сидит. Только сам сын вдруг подал заявление на расчёт, ошеломив тем самым руководство, сел в поезд и отправился в Ленинград. Под перестук колёс штудировал книги, переписывал абзацы, с тревогой думал: пробьётся ли в институт? Надо! Закроет глаза — она встаёт сразу внутри — мама! Четверых родила, вырастила в любви и ласке. Вечная труженица, каторжница с глубокой мудростью, добротой и болью в глазах. Врачи говорили: она безнадежно больна и срок уже отмерен. Каждый день он приходил с работы, смотрел в эти глаза и думал о «сроке». И однажды взбунтовался той молодой одержимостью, которая отмечает всё: да не бывать этому «сроку» никогда! Он перевернёт весь мир, если понадобится, положит на алтарь своё сердце, но маму вылечит — ещё есть время! И этим решением поставил точку на странице жизни, чтобы, перевернув лист, начать заполнять новые строки. Покачиваясь, приближал поезд железнодорожника Абрама Лифшица к Ленинграду, на крутой поворот судьбы — в медицинский! И только! И отступкивали колёса в сыновнем сердце, словно колокола, святое имя: мама... мама... мама... Но если прислушаться чутко, зазвонит ещё из потаённых глубин неосознанный пока призыв: Родина!

Журналист не рождается вовсе, даже проработав в газете всю жизнь, либо медленно умирает, если в нём гаснет дух исследователя. По молодости думалось, что мир полон случайностей. С десятилетиями, подготовив к печати сотни очерков о людях, героях и простых тружениках, врачах и педагогах, инженерах и служащих, пришёл к твёрдому убеждению: случайных событий в жизни человека не бывает! А его величество случай — это ни что иное, как псевдоним Бога, которым он подписывает листы судеб, дабы посредством насыщения чувств людей и их силами реализовывать на земле практические задачи. Не верите — проверьте это на собственных «случаях». И если у вас не сложилась судьба, вы наверняка вспомните тот «случай», который вам предоставлялся и даже не единожды, и пожалеете, что не использовали возможностей. Может, побоялись трудностей? Кто знает, кроме вас? А может, было невдомёк, что Божественное провидение никогда не поручает человеку осуществления предстоящих дел, которых он не в состоянии выполнить, и помогает на всех этапах реализации.

Абрам Иосифович устаёт от воспоминаний. Замолкаем. Антонина Николаевна начинает заглядывать в одной ей известные домашние недра, на ходу поясняя:

— У нас много альбомов. Я сейчас найду и покажу Вам. Вся наша жизнь с мужем запечатлена. С самого начала. Да, да, именно так. Мы 60 лет как супруги. А если считать, что познакомились в институте, будучи однокурсниками, то стаж надо прибавить. Так вот и не расстаёмся. Сама я из Рыбинска. Никогда не думала и не мечтала, что попаду в Ле-

нинград. Училась на рабфаке — это до войны была такая система обучения, где получали среднее образование со специальным уклоном. У меня был медицинский уклон. Нам преподавали педагоги из Ярославского медицинского института. И по всем строгим положениям и правилам того времени, а это было при Сталине, путь у меня был единственный — в Ярославский медицинский. И только туда! Нарушение дисциплины каралось, и очень строго. Но вот представьте, сама не понимаю до сих пор, что меня закрутило-то в жизни. Словно ветер какой-то образовался в душе или вихрь, который и понёс Антонину Соболеву в Ленинград. Представляете?.. А в конце четвёртого курса мы сыграли студенческую свадьбу. Я себе справила новое коричневое платьице, красивое такое. Я его очень любила. И ещё туфельки купила. Наготовили всем курсом винегрета, пирожков напекли... Ну, студенты, понятно, такую свадьбу могут устроить — на всю жизнь запомнишь...

Она неожиданно замолкает. Садится на своё место. Чуть-чуть начинают подплакаться глаза — у них всегда своя память. Наверно, подумалось о чём-то своём, очень дорогом не только для неё, для двоих. А может, это музыка такая? Широко распахнута дверь из спальни в гостиную. Виден работающий телевизор. Изящная женщина в белом платье играет на рояле. Бетховен. Тихий голос фортепьяно робко и нежно влетает в солнечный день, мягко шествует по солнечным комнатам. О чём рассказывает мелодия? Каждому она шепчет что-то своё, о том единственном и дорогом — робком стуке сердца, весеннем шелесте лип на старом бульваре и чарующем мерцанье звёзд в бездонном небе над головой. Музыка всегда говорит о том, чему ещё люди не придумали слова. Да и какими словами расскажешь о поэзии чувств, ума и души? И не надо искать этих слов. Их просто нет.

Практику молодые супруги проходили вместе в городе Любиме. В воскресенье 22 июня 1941 года беззаботно отправились загорать. В полдень прозвенело: война! Наскоро собрав вещи, сели на первый же поезд — туда, в Ленинград! Сегодня на войну безопасно смотреть — она на экране. По дороге на поезд налетела гитлеровская авиация: живой огонь перед глазами, кровь с металлом и волосами вперемешку, столбы взметнувшейся земли... Не всем повезло, а их, наверно, судьба хранила. Через пятеро суток, измученные и голодные, повзрослевшие на годы вперёд и оставившие свою юность в той бомбёжке, супруги добрались до Ленинграда. В институте началась усиленная подготовка, состоялась досрочная сдача выпускных экзаменов, и — фронт, разделивший молодых людей.

— Невская Дубровка,.. Невская Дубровка, — без устали повторяет Абрам Иосифович, — адская машина войны, перемалывающая всё подряд. Фронтовики, обороняющие Ленинград, говорили: кто не побывал в этом котле, тот и войны толком не отведал. Я был младшим врачом стрелкового полка, созданного из народного ополчения, то есть ленинградских добровольцев. Обязанности — выносить с поля боя раненых, оказывать помощь и отправлять в тыл. Постоянная работа на горячих местах, когда о себе забываешь.

Он помнит горячий осколок снаряда, впившийся в грудь. Отмахнулся: терпеть можно, работать надо! Десятки раненых страдают вокруг: доктор, помоги! Перебегал, не слыша взрывов, а только зовущий стон. И лишь спустя несколько часов, отправив всех раненых, почувствовал тошноту и слабость, от которых подкосились ноги. Подспудные резервы, движущие человеком в особо опасные моменты жизни, кончились. Фронтная газета сообщила об этом подвиге всем защитникам Ленинграда.

Лежал в городском госпитале и каждый день встречал взгляд, дающий силы: она!

— Как свободная минутка, я бегом к нему — в госпиталь, — говорит Антонина Николаевна, — у нас, женщин, крылья появляются, когда надо. Как врач чего уж ни насмотришься в осаждённом Ленинграде, а побудем вместе, и жить хочется вновь и вновь.

Дороги войны... Они давно позарастали лесом. Земля разгладила морщины блиндажей, окопов и рвов, залечила оспу от воронок. И только гранитные и бронзовые солдаты стоят в почётном карауле. Смотрят на улицы шумных городов, в поля — долго... Как в вечность и бесконечность. Наверное, и сердце могло бы позабыть прошлое. Но возможно ль это? На фронтах Отечественной остались два брата Абрама Иосифовича. Как бы сейчас было хорошо вместе! Сам он был контужен, лечился, выкарабкался и вновь — в строй, в бой, туда, где он нужен больше всего людям. От подробных воспоминаний отмахивается: что может видеть врач на фронте, и так понятно станет, если только при взятии одной Нарвы в сражении легло свыше 100 тысяч наших солдат. Вздохнул лишь тяжко: работы хватало,

и всего хватало. А натуралистические подробности — к чему они? С боями дошёл до Прибалтики, и здесь закончилась война для Абрама Лифшица.

— Представьте себе случай, — говорит он, — который не знаешь, как и расценить — к худу ли, к добру ли? По ровному полю до меня прошла боевая техника, стрелковые части — всё тихо. А вот я пошёл по тому же самому месту — напоролся на мину. Как будто только меня и поджидала, окаянная! Ногу отняли в госпитале. Там же и победу встретил. Но встретил всё-таки! Встретил!..

А. И. Лифшиц награждён орденом Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда». А вот последняя боевая награда — орден Отечественной войны — нашла его аж через 50 лет после войны и была торжественно вручена фронтовику.

Слишком утомительны воспоминания, и, давая отдохнуть собеседнику, я выходил на 10—15 минут на просторный двор, бродил по саду. Припекало солнце. Краснобокие яблоки лежали на земле, светились в желтеющей листве. Поники кусты. Плетки ботвы на грядах. Осень... Но ещё полыхала костром, словно и не собиралась увядать, целая роща цветов. Рядом копошились самые маленькие из наследников Абрама Иосифовича и Антонины Николаевны — Артём и Маша. Малыши задались целью создать свой собственный дворец. Как объяснили мне «под стол-пешкомские» творцы, по их проекту дворец должен получиться на зависть всем взрослым. Иначе они и не взялись бы за дело. Строительного материала было в достатке. Покряхтывая и сопя, «строители» ковыряли землю, в черепушках на «пупке» носили к садовой скамейке — там работать удобно и посидеть можно. По наличию уже заготовленной земли возле скамейки сразу было видно — дело затевалось нешуточное.

— Приболели, — говорит Антонина Николаевна. — У нас с Абрамом две дочери, трое внуков, шестеро правнуков. Так уж повелось, как начинают болеть малыши, так из города направляют к нам, в старый дом, на выздоровление. Ну и пасутся летом на клубничных и огуречных грядах. Никаких лекарств не надо — набегаются в саду, отоспятся беззаботно, все болячки вылетают — и духу не остаётся!

Перелопачиваем семейные альбомы. Между обложками — мгновения, схваченные затвором фотоаппарата, спрессованная жизнь не одного поколения от юности — к детям, от детей — к внукам, от внуков — к правнукам. На глазах малыши вырастают из пелёнок и распашонок, с букетами цветов и роскошными бантами идут в школу, виснут на деревьях вниз головой, взрослеют. Щелчок фотоаппарата выхватил из жизни мгновение: широко распахнутые счастливые глаза, «горько» — звучит за кадром. Зазвенела музыка — пошла плясать губерния.

Нет грани, порога, черты, отделяющих поколения. Исподволь, день за днём, они незаметно врастают друг в друга, взаимно подпитываясь и обогащаясь мудростью старших и новизной устремлений молодых. Так и перетекает из века в век по цепи больший опыт к меньшему, чтобы молодость, приняв факел жизни, достойно несла его дальше — в новое столетие, в новое тысячелетие.

Супругов А. И. Лифшица и А. Н. Соболеву знает не одно поколение переславцев. 50 лет отдали они нашему здравоохранению.

— Мы приехали в Переславль по направлению в октябре 1945 года, — говорит Антонина Николаевна, — за это время в городе произошли очень большие изменения в здравоохранении и жизнеустройстве. Событий много, что и говорить. Но почему так, и сама не знаю, но помню эти мгновения: плетёмся с Абрамом глубокой осенью по городу. Он — на костылях, я — рядом... Холодно, сыро, на сердце тревожно, хоть плачь!..

Устали в дороге — приехали поздно, темень кругом — глаз выколи... Ну, и заехали, думаю, то ли в преисподнюю, то ли на край света.

Вспомнила старые ленинградские липы, театр, море света, позолоту, в оркестровой яме музыканты настраивают инструменты. Мама дорогая, да было ль это в нашей жизни? А может, я всё это во сне видела? Пригляделась: вдали огонёк такой небольшой забрезжил. Я как зачарованная уставилась на него: точно, туда надо идти сквозь эту осеннюю тьму, как на маяк. На подоконнике стояла небольшая такая самодельная лампа. Подумала: как лампадка горит, зовёт и успокаивает. Это и была больница. И теплей стало: войну пережили, думаю, а уж после-то не пропадём.

Нынешняя инфекционная больница по улице Московской в те давние годы представляла собой почти всё сосредоточение местного здравоохранения. И по сути дела почти не изменила свой облик уездной больницы, в которой работал в начале века талантливейший врач Войно-Ясенецкий, затем — архиепископ Лука Крымский. Здесь он готовил свой труд «Очерки гнойной хирургии», признанный выдающимся вкладом в мировую медицину, за который Войно-Ясенецкому присуждена Государственная премия. Антонина Николаевна была назначена главным врачом больницы, Абрам Иосифович — хирургом, а позже — заведующим инфекционным отделением. В этой должности он и известен тысячам переславцев.

— Мне жаль вас, — сказал предшественник, — куда вы приехали? Дыра дырой...

В один день он сдал дела, облегчённо вздохнул и уехал. Супруги остались один на один со всеми проблемами, переполненными детским, терапевтическим и инфекционным отделениями больницы. Антонина Николаевна поплевала на печать и сделала оттиск. На листе чётко отпечатались: «Зарбарак».

— Слушай, Абрам, это как понимать — заразный барак или заражающий?

— Заряжающий! Во-во, нам с тобой тут будет зарядка — не соскучишься и гимнастика для ума в придачу.

Война может закончиться, и будет тишина над землёй, а фронт, врачебный фронт, продолжаться. И он продолжался. Основательно забит колодец — нет воды. Её привозили в бочках. Случалось, и этой «канители» не дождёшься. Рано наступили морозы — начали промерзать и покрываться инеем стены. И не где-нибудь — в больничных палатах. Жилой домик врачей располагался при больнице. Утро, вечер, ночь, полночь — стук в окно: привезли больного. Воспалённые глаза, в которых ещё теплится искра надежды: доктор, помоги! Почти круглосуточная работа. Но таков характер у настоящих врачей: могут спать урывками, могут вообще позабыть о времени, когда знают — без них не обойтись. И никто не слышал от них: устал, устала, рабочий день закончился, мы — не железные. Своей рабочей одержимостью они подтягивали и настраивали на работу коллектив.

— Больница насчитывала 60 мест, — говорит Абрам Иосифович, — а лежало 100 человек. И каждый — жизнь. Матери и будущие матери, отцы и будущие отцы, истощённые, измождённые. Это всё последствия войны. Тиф... Тиф повальный. Как привезут больного, на нём живого места порой нет — весь покрыт тифозными вшами. Страшно подступиться, а надо, надо, надо!

— Абрам Иосифович, — спрашиваю я, — Вы десятилетиями вращались среди инфекционных больных, но это же опасно для собственного здоровья?

— Вошь, конечно, она и есть вошь. Как ни остерегайся, а всё равно подхватишь — больных десятки. И с меня бывало на приёмах больных вшей снимали — никуда не денешься. Но вот представьте — не заразился. Почему? Всем своим существом надо любить жизнь и людей! Ответ вроде прост, да не совсем. Надо любить безусловной любовью, то есть без условий. Это и есть моя путеводная звезда. Люди иногда ставят условия друг другу: ты мне сделал доброе дело, вот за это я тебя и люблю. А если ничего не сделал, так за что любить тебя? Это и есть любовь условная — «за условия». Безусловная любовь не требует ничего взамен. И только она укрепляет дух, даёт силы, с которыми ничего не страшно и ни одна зараза тебя не берёт. Да, да, именно так...

Как больного ребёнка после тяжёлой изнурительной болезни, выхаживали супруги переславскую больницу. Был вычищен колодец — с водой стало легче. Невесть какими путями нащупали в Загорске дизельный электрогенератор и добыли его. На смену доморощенным фитилям и свечам в больницу пришло электричество. Его даже оказалось в избытке — от больницы через дорогу была протянута линия в музей. Осветились здания, напомнив им ленинградские свидания. И пусть переславский музей не сопоставим с Эрмитажем, эти огни стали памятью юности.

Когда у людей что-то получается, им всегда хочется сделать ещё больше и лучше. Время за полночь. Склонились головы над чистым листом: сколько труб надо? Какой мощности потребуется отопительный котёл? Где достать эту прорву материалов? Кто будет делать отопление в больнице? Проводить водопровод? Десятки вопросов, но если бы ещё и десятки ответов.

— Всё решали вместе, — слышу я, — а уж в муфтах, трубах — дюймовых, четвертьдюймовых, какие ни есть на этом свете, — научились разбираться не хуже заправских техников. Надо!

И решить легко, и посчитать труда не составляет. Как добиться осуществления задуманного? Секретов нет — напором, убеждением, а где и мягкой, убаюкивающей, ласковой речью. Недаром же говорят: мягок язык, да кости перемальвает. Но в любом случае нужно действие. А действие — это и есть жизнь. Представьте-ка, то, чего больница не видела отродясь, стало появляться — отопление, водопровод, стерильность, комфорт для больных. Выздоровев, из больницы не хотят уходить.

Рассказывая об этой замечательной семье врачей, я всё время держу в уме предстоящую дату — 850 лет нашему Переславлю. За свою историю город испытал немало взлётов в развитии и падений. Случалось, выгорал дотла. И вновь возрождался. Думаю, Переславлю очень повезло, что в его истории деятельное участие приняли эти цепкие, закалённые судьбой, заинтересованные в жизни люди. Им можно было на всё махнуть рукой и найти место поспокойнее. Мало ли их на свете, а им самим немного надо. Не весь свет клином сошёлся здесь. Да и не мёдом тут намазано, чтобы липнуть. Такого «мёду» напробовались — душу воротит. Инфекционная — понимать надо! Но не растерялись, не сникли, не скользнули на обочину жизни. Что движет людьми? Почему для одного человека понятие совести и чести — факел, освещающий путь, для другого — китайская грамота? Почему для одного долг — призыв к действию, для другого — пустой звук? Что выбираете вы?.. Сколько бы ни прошло времени, мы всегда должны задавать себе эти вопросы. От их ответов зависит наш выбор, следовательно — жизнь или существование, действие или медленная смерть в каждодневных поблажках себе.

О врачах мы не думаем, пока здоровы. И с надеждой смотрим им в глаза, когда ни охнуть, ни вздохнуть: доктор, болит здесь! Хочется, чтобы к нам отнеслись как к человеку, а не двуногой «истории болезни» или «амбулаторной карте». Мечтаем, чтобы все наши болячки оставили нас при жизни, а не дожидались самого лучшего из врачей, излечивающего все болезни мгновенно, — смерти. Нам хочется жить, и мы вверяем себя врачу. Чем берёт истинный и истовый врач, порой непонятно. В далеко не идеальных при всём старании условиях, при недостатке медикаментов, средств, делает чудо — поднимает полумёртвого на ноги:

— Спасибо, доктор, вы спасли мне жизнь!

В приёмном покое красивая женщина прижимает к груди полуживого, горячего, как раскалённый пруток, задыхающегося ребёнка. На все просьбы персонала отдать больного на осмотр и лечение следует дикий, отчаянный вопль:

— Нет! Только в руки Абраму Иосифовичу!

Пришёл врач, молча взял драгоценную ношу, а спустя сутки вывел улыбающегося мальчишку и подтолкнул: иди к маме.

Этому, в прошлом мальчишке, уже тридцать лет:

— Спасибо, доктор, Вы мне спасли жизнь! И я — живу!

Я уверен, сотни... многие сотни переславцев именно так и скажут об А. Лифшице и А. Соболевой. Бывший учитель истории средней школы, коренной переславец, знаток традиций города и его людей, Игорь Кручинин говорит:

— Перед такими людьми мне хочется отбивать земные поклоны. Я знаю немало тех, кто обязан своей жизнью этим врачам. Я знаю немало детей, которым они спасли жизни, и они несут свет её дальше.

А как вы будете себя чувствовать, если хоть один раз за многие годы услышите такое: спасибо, вы спасли мне жизнь!

Супруги — не кудесники, не волшебники, не экстрасенсы. Они не водили над головой у пациентов руками, пришепывая про нечто трансцендентальное, космическое сознание и волны эфира. Они — просто намертво прикованные друг к другу волшебным чувством мужчина и женщина, а вместе — Сила, в которой соединились небо и земля. И какая, оказывается, могучая! При больнице затем было построено здание туберкулёзного отделения, появились свои лаборатории, и неплохо оснащённые, а затем рентгеновский кабинет. За дело всегда брались, видя его окончание-венец. И всё на пользу людям. Тем, кто строит дома, учит в школе, водит трактор, комбайн, автомобиль... Во всех делах они прежде все-

го видели не «улучшение обслуживания», а человека — отца, мать, и их продолжение — детей...

— В больнице было очень тесно, — говорит Антонина Николаевна. — Терапевтические больные, инфекционные и дети на излечении — все находятся вблизи друга друга. Присмотрели в городе гараж. Я уж, честно говоря, и не помню, кому он принадлежал... Ну и начали воевать за него — там решили устроить детское отделение. Гараж был реконструирован под детскую поликлинику. На новое место жительства перевели также и терапевтическое отделение — на улицу Свободы. Здесь впоследствии появился новый больничный комплекс районной больницы. Так разгрузился «зарбарак». Печать, кстати, мы сразу поменяли, но в простонародье до сих пор ходит этот самый «зарбарак».

Городская администрация выделила супругам старый бревенчатый дом рядом с инфекционной больницей. Пришли смотреть: крыша течёт, неустроенность, захламлённость. Но горевали недолго: ещё молоды, сил хватит на всё. Представьте, всё сами и сделали. Отреставрировали крышу, устроили отопление, оштукатурили... И то дело — строительного опыта не занимать, главное — собственное внутреннее содержание, а всё остальное — прилагательное.

При доме приличный участок земли, небольшой сад. Абрам Иосифович отмерил сотку пространства и объявил эту территорию неприкосновенной зоной. Он наконец-то получил возможность осуществить мечту и заняться цветами. Что вы думаете? Со временем он выдвинулся в один ряд с лучшими цветоводами Переславля. Скупым никогда не был — семена давал и раздаривал направо и налево. Только берите, люди, разводите и радуйтесь жизни, она одна и другой не будет. Была бы у него возможность, он бы вообще всю землю сам засадил цветами. Жалко бывает людей, у которых перед окнами в палисадниках ни деревца, ни кустика, одни тощие и вечно грязные куры да собаки-замухрышки бродят.

На работе дела ладилась, и дом постоянно наполнялся весёлым детским щебетом. Здесь выросли дочери, а затем внуки, вот уже и правнуки бегают: «А годы летят, наши годы, как птицы, летят. И некогда нам оглянуться назад...» Но только ли свои наследники живут на этой земле? Каждый человек вольно или невольно, сознательно или бессознательно стремится раствориться своим делом в жизни, в людях. Без этого невозможно счастье. Официально супруги давным-давно на пенсии, но продолжали работать и работать, не в силах оторваться от своего любимого дела, скрепившего их жизнь. С военных лет хранили память о том, что каждая спасённая жизнь даёт будущему новую надежду, веру и любовь...

Свои врачебные дела Абрам Иосифович и Антонина Николаевна оставили только в середине 90-х годов, отдав делу все силы. Решением правительства Антонине Николаевне присвоено звание «Заслуженный врач Российской Федерации». За большой вклад в здравоохранение города «Отличнику здравоохранения» Абраму Иосифовичу присвоено звание «Почётный гражданин города Переславля-Залесского».

Сегодня общество будоражат разговоры о духовности, чакрах, ауре, третьем глазе. Не всегда, оказывается, человеку хватает двух глаз, чтобы видеть жизнь вокруг. Обязательно нужен ещё и третий, с которым впоследствии не знает, что и делать. Медитация, концентрация, мантры — что только ни делает человек, чтобы унести в поднебесье, напроочь позабыв, что небеса и Бог находятся внутри человека. А. Лифшиц и А. Соболева всю жизнь и по сей день молятся земле и всему, что на ней растёт — цветам, садам и людям. Может, потому-то и дал им Бог прекрасное лучезарное чувство, которое прошло все испытания на прочность. И помогал им проходить все судьбоносные уроки жизни. Кто знает, может, это и есть тот самый — третий?

Вы умеете мечтать?

И слава Богу! Мечтайте! Но о чём бы вы ни думали — о бриллиантовых дворцах под крышей из листового золота, волшебных островах, универсамах, в которых можно купить всё, что захочешь, звёздных скоплениях и галактиках, хрустальная нить мечты в конце концов приведёт вас к Любви. Этого не минует никто. Зачем вам дворцы и галактики, универмаги и острова, если в собственной душе — холодный свинцовый дом с пустыми глазами?

А чудо, оказывается, совсем рядом — это жизнь. Только руку протяни, прислушайся сердцем, услышишь и увидишь в ней чудо. Как река подо льдом — сверху всё гладко

и тихо, но там, в глубине, грохочет и мчится мятежная река человеческих чувств — основа всей жизни. Такое вот чудо — обыкновенное, земное...

Светило солнце. Я прощался. Во дворе остановился у «дворца». Сооружение имело сферическую форму, тщательно выглажено, с входом и выходом. Раскрасневшаяся от усердия Маша заканчивала украшение — посадку на «голове» листочков и лепестков. Артём стоял рядом с лейкой.

— Ну, вам осталось только заборчик ещё сделать, — подытожил я.

Маша посмотрела на меня, спрятала выбившуюся прядь и уточнила:

— А зачем нам заборы? Нам заборы не нужны. Это люди понастроили заборов и границ, и сами теперь не знают, что им делать и как жить. А нам заборы не нужны. Без заборов лучше жить и дальше видно...

Эти строки я закончил поздно вечером. Вышел во двор, пошёл по своей улице в старой части города. В Переславле «бабье лето». Шуршат листья под ногами. В сквере молодые сидят, прижавшись друг к другу. Теплынь. Негромкий говор. Вдали белеет мощный остов Спасо-Преображенского собора. Говорят, это памятник архитектуры. Неправда, ой, неправда! Наши предки жили вовсе не для того, чтобы создавать нам памятники архитектуры, на фоне которых наследники могли фотографироваться. Архитектура — это всегда застывшая душа времени, как вулкан — застывший поток земли, устремлённый ввысь. Собор — не памятник, а Память — живая духовная весть о любви из глубины столетий, путеводная звезда жизни предшественников. Станет ли нашей она?

Шелестят золотые листья. Бездонное небо утыкано светлячками звёзд. У обочины дом, на подоконнике цветёт герань. Остановился. Сквозь тюлевую занавеску видно сияющую лампадку в священном углу. Услышал вдруг тихий голос фортепьяно. Робко ступая, мелодия скользила где-то рядом, трепеща серебряными колокольчиками в осенних кронах. И далёкий, сквозь столетия голос-зов: да любите друг друга!

Хотя нет... Мне просто это вспомнилось и почудилось. Затихают шаги... Гаснут огни...